
М. А. САВИНОВ

ЗЕРКАЛО ВОСПРИЯТИЯ ИСТОРИИ: ОБ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ ХРОНОГРАФОВ ОСОБОГО СОСТАВА

Рассматриваются жанровые особенности хронографов особого состава – русских исторических сочинений XVII века, излагающих историю Руси в связи со всеобщей историей «от создания мира». Источниковедческое значение этих компилятивных трудов традиционно считается небольшим – они почти не содержат описаний новых фактов. Однако, по мнению автора, эти памятники важны для изучения исторической мысли XVII столетия – они являются своеобразным зеркалом, в котором отражаются особенности восприятия истории образованными людьми того времени.

Ключевые слова: хронографы, русская история, XVII век, источники, восприятие истории, исторические легенды.

Русское историческое повествование в XVII веке имеет целый ряд существенных отличий от текстов предшествующего времени. Наряду с традиционными летописями, редактирование которых продолжалось на протяжении всего периода, появлялись новые виды исторического повествования. При этом форма летописи по-прежнему представлялась русским книжникам наиболее понятной и естественной, по этой причине в рукописной традиции название «летописец» нередко присуще памятникам, которые по своей композиции летописями не являются (например, не имеют погодной сетки, т. е. не расписаны по годам).

Образованные люди столетия стремились иметь в своем распоряжении подробные сведения по отечественной и всемирной истории, собранные в относительно компактную компиляцию. Наибольшее выражение это стремление нашло в одной из групп памятников исторической книжности – так называемых хронографах особого состава. Эти хронографы, обычно малоинформативные по отношению к историческим фактам, создавались на основе поздних редакций Русского хронографа (1617 и 1620 годов), получивших широкое распространение в XVII–XVIII веках. При создании

большинства хронографов особого состава исходный материал распределялся неравномерно – большой объем хронографического текста дополнялся отдельными вставками из других источников, среди которых порой оказывались очень редкие, малораспространенные в рукописной традиции памятники.

Социальная среда, в которой вращаются тексты поздних хронографов, разнородна. Как и в более раннее время, крупные исторические повествования XVII века в большинстве случаев происходят из монастырской, монашеской среды. Но мы можем проследить и активное участие в редактировании хронографов служилого дворянства – как столичного, так и периферийного.

Повседневная жизнь русского провинциального дворянства XVII века – предмет обстоятельного исследования Т. А. Лаптевой (2010). Среди различных аспектов жизни служилых людей исследовательница рассматривает и отношения дворян с книжным миром, отмечая начитанность многих представителей этого сословия в Священном Писании и произведениях отцов церкви. Особенно важным представляется приведенное Лаптевой описание книжного собрания московского дворянина Юрия Митусова, среди книг которого упомянута и «книга письменная Гранограф», т. е. рукописный список Хронографа. Однако установленные случаи участия провинциальных дворян в редакторской работе над хронографами (тобольский сын боярский С. И. Кубасов) остались вне проблемного поля монографии Лаптевой.

К составителям поздних хронографических компиляций О. В. Творогов (1996) применяет очень точный термин «любители истории». Зачастую редактор позднего хронографа не является монахом-летописцем (центральной фигурой древнерусского историописания) и тем более историком-профессионалом в позднем смысле этого слова.

Из всех описанных хронографов особого состава самым популярным среди современников оказался так называемый Хронограф Пахомия – его рукописная традиция насчитывает 21 список. Свое название он получил по имени составителя – архиепископа Астраханского и Терского Пахомия, работавшего над своим произведением в 1649–1650 годах. Изучение этого памятника позволяет, на наш взгляд, сделать некоторые выводы о перспективах изучения группы хронографов особого состава в целом.

В XVII столетии хронографический жанр, бесспорно, преобладает над летописным. Однако говорить о почти полном вытеснении

в это время летописей хронографами (Данилевский 2004) не совсем верно. Дело не только в том, что в XVII веке активно создавались новые и переписывались ранее составленные летописи, но и в специфике отношений между этими двумя жанрами русской исторической книжности.

Специфика проявляется именно в хронографах особого состава, которые зачастую осознавались современниками как *летописные* произведения и назывались в списках соответствующим образом. Например, «летописником» называет свой труд архиепископ Пахомий, «летописцами» называют переписчики краткие редакции его Хронографа. При этом основа текста «летописцев» – это статьи Русского хронографа, т. е. хронографы, дополнявшиеся по материалам летописей и другим источникам, состав которых мог быть очень разнообразным.

Если изначально Русский хронограф формировался с использованием летописных памятников, то к XVII веку положение изменилось – началось возвратное влияние хронографа на летопись. Русские статьи Хронографа стали источником для многих летописных памятников этого времени – например, Патриаршего летописного свода 1670-х годов или Летописца от создания мира.

Композиционно Хронограф Пахомия состоит из двух частей со своими заглавиями. Первая (хронографическая) часть освещает события всеобщей истории от сотворения мира до взятия Константинополя турками в 1453 году, вторая (летописная) повествует о русской истории с древнейших времен до 1650 года.

На примере летописной части Хронографа мы можем проследить идеологию Пахомия-составителя и редактора. Перед нами – выраженный государственный. В изложении Хронографа Русское государство предстает могучим и древним, его возраст сопоставим с возрастом Римской империи и Византии. Не создавая новых легенд, Пахомий комбинировал эту историю из тех повестей, которые были в его распоряжении: «Сказания о Словене и Руссе и городе Словенске», «Предания об основании Москвы князем Олегом» и «Сказания о князьях Владимирских».

Пахомий последовательно связывает историю Руси и Византии, не ограничиваясь только компиляцией исторических легенд. Таковую связь мы можем видеть на примере истории о дарах Мономаха и логически связанных с ней заметок о передаче императорских регалий в роду русских князей из поколения в поколение.

Заимствовав из Русского Хронографа обширный корпус рассказов о Смуте, книжник внес в текст авторское повествование о Смоленской войне и заметки о патриархах Филарете и Иоасафе I. Эти маленькие, но очень яркие «исторические портреты» не раз использовались историками церкви (Макарий 1996; Богданов 1999). Пахомий внимательно отслеживал события в жизни царствующего семейства, полностью привел крестоцеловальную клятву при вступлении на престол Алексея Михайловича.

Текст Пахомия, сходный с общеизвестным хронографическим материалом, но имеющий более выраженную «государственническую» окраску, а также дополненный некоторыми историческими легендами и собственным ярким рассказом архиепископа о Смоленской войне, оказался интересен «любителям истории» – только Основная редакция была скопирована на протяжении XVII–XVIII столетий не менее десяти раз.

Но «любители» не только переписывали исходный текст – они активно вмешивались в него. Чаще всего редакторы разными методами сокращали труд Пахомия, механически исключая отдельные неинтересные им фрагменты или последовательно превращая материал протографа в краткий конспект. Встречаются и обратные примеры. Один из редакторов, не удовлетворенный подходом Пахомия к работе со Степенной книгой, систематически дополнял по ней свою версию летописной части Хронографа.

Составы поздних редакций Хронографа позволяют четко очертить круг предпочтений «любителей истории». Почти все позднейшие переписчики, работавшие с летописной частью отдельно, изъяли из нее «Хождение Трифона Коробейникова» – обстоятельное, насыщенное точными деталями; однако ни один из них не подверг сокращению исторические легенды, составляющие основу древнерусской части Хронографа. Именно эта часть привлекала внимание, нравилась читателям и редакторам. Очевидно, «любители» с удовольствием знакомились с рассказом о могучем Древнерусском государстве, о передаче на Русь византийских имперских регалий. Ни одна из легендарных повестей, включенных в Хронограф, не была авторским произведением Пахомия (полной уверенности нет только относительно «Предания об основании Москвы князем Олегом»), все они встречаются в различных сборниках, входят в состав летописей и хронографов, но в труде астраханского архиепископа их можно увидеть «под одной обложкой».

Хронограф для «любителя истории» – это не только подручная историческая энциклопедия или развлекательное чтение. Хронографическое повествование иногда превращалось в инструмент фиксации и трансляции личного опыта составителя. В случае Хронографа Пахомия это обстоятельство очень ярко проявилось на примере князей Волконских.

История текста Хронографа и владельческие записи в одном из списков позволяют установить, что с памятником связаны не менее трех предшественников княжеского рода Волконских. Двое – Михаил Петрович Волконский и Василий Богданович Веригин-Волконский – владели одной из рукописей Хронографа, в настоящее время хранящейся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ф. 29, собр. И. Д. Беляева, № 2). Третий – Федор Федорович Волконский – не только был собственником списка памятника, но и дополнил исходный текст собственным рассказом о ряде событий 1634–1650 годов. Текст этого варианта отразился в списке, хранящемся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (собр. Эрмитажное, № 565), и позднее был использован при составлении одного из памятников позднего московского летописания – Летописца 1686 года (Савинов 2008).

Хронограф Пахомия показывает: обращение к подобным компиляциям может дать представление о том, как образованный русский человек XVII–XVIII веков воспринимал историю своей страны, что было ему особенно интересно, что вызывало отклик в его душе. Компилятивный хронограф стал в XVII веке основным носителем исторического знания в среде образованных людей и не утратил этого своего значения в следующем столетии, уже в пору становления истории как академической науки.

Таким образом, хронографы особого состава являются важным источником для изучения общественной жизни и исторической мысли России. О важности изучения поздних хронографических компиляций свидетельствует уже тот факт, что именно в составе подобного исторического сборника до нас дошло «Слово о полку Игореве» (Моисеева 1976).

Хронографы XVII века содержат интересные отзывы своих составителей о знаменитых современниках, в них встречаются указания на методы и цели работы книжников. Для изучения этих памятников весьма информативными являются также внешние по отношению к тексту владельческие записи и описания рукописных коллекций, позволяющие проследить судьбу конкретных рукопи-

сей. В составе хронографов могут читаться краткие личные летописцы, очень важные для биографических и просопографических исследований. Даже сам принцип отбора материала в этих хронографах информативен – он раскрывает проблемы, волнующие любителей истории XVII столетия, круг чтения людей, неравнодушных к прошлому страны и желающих узнать о нем больше.

Литература

Богданов, А. П. 1999. *Русские патриархи (1589–1700)*: в 2 т. Т. 1. М.: ТЕРРА; Республика.

Данилевский, И. Н. 2004. Исторические источники XI–XVII вв. *Источниковедение*. М.: РГГУ, с. 171–317.

Лаптева, Т. А. 2010. *Провинциальное дворянство России в XVII веке*. М.: Древлехранилище.

Макарий. 1996. *История Русской церкви*. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. Т. VI, с. 78–79.

Моисеева, Г. Н. 1976. Новые материалы о хронографе со «Словом о полку Игореве». *Вопросы истории* 12: 44–57.

Савинов, М. А. 2008. О Хронографе Пахомия и Летописце 1686 г. *Летописи и хроники. Новые исследования*. М., СПб.: Альянс-Архео, с. 280–289.

Творогов, О. В. 1996. Хронографы. *Литература Древней Руси. Библиографический словарь*. М.: Просвещение, с. 227–228.